

Отзыв

члена диссертационного совета М.А. Бургановой о диссертации Григория Рафаэльевича Консона «Проявление «Не-Я-Концепции» и переживание катастрофы в европейских художественных практиках XV–XX веков», представленной на соискание учёной степени доктора культурологии по специальности 24.00.01 – Теория и история культуры

На протяжении последнего пятидесятилетия многие явления мировой культуры находятся в постоянном переосмыслении. Особенно на примерах изобразительного искусства мы наблюдаем множество диаметрально противоположных мнений о принадлежности художника к тому или иному стилю; о демонстрации авторами взаимоисключающих творческих методов. Опорой здесь служит степень научного обоснования понимания авторской идеи. Одно из таких обоснований сконцентрировано в исследовании явления, названного Г.Р. Консоном «Не-Я-концепцией», которая в совокупности с открытой в XIX веке американским учёным У. Джеймсом «Я-концепцией» и, исходя из европейских художественных практик XV–XX веков, представляется новым философско-культурологическим концептом в познании творческой личности. Актуальность этого явления объясняется необходимостью изучения трагических тенденций в европейской истории как единого, но нелинейного 600-летнего процесса, прослеженного Г.Р. Консоном сквозь призму авторских рефлексий над катастрофизмом культурно-исторического бытия. Понятие «Не-Я-концепция» он вводит в научно-исследовательское гуманитарное поле как закономерную диалектическую парную категорию к понятию «Я-концепция» под эгидой культурологии, интегрирующей разные научные знания (философии, истории, этики, эстетики, конфликтологии, психологии, криминологии) и виды искусства (литературы, живописи, скульптуры, музыки и кинодраматургии). Своеобразным общим знаменателем для отмеченных наук и видов искусства здесь явились нравственно-психологические проблемы, а точкой схождения в культурологии стало понятие этико-эстетической ценности, изучаемой в связи с художественным образом — единой для всех видов искусства категориальной основы. В итоге автор диссертации показал, что лишь междисциплинарный метод исследования даёт возможность выявить эвристический смысловой потенциал выдвинутой им научной концепции и избежать субъективных последствий своей увлечённости. Таким образом, новизна и масштабность охвата явлений, затронутых в диссертации, оказываются в нерасторжимом единстве.

Обоснование конструкта «Не-Я-концепция» автор поставил на основательный философско-методологический фундамент, проследив его в соотношении с различными конфликтами, возникающими в сознании человека вследствие переживания катастрофы. Выстраивая парадигму научной мысли от древнегреческих

мыслителей и до современных учёных, Г.Р. Консон убедительно показывает, что в исследовании «Я-концепции» вне парной ей «Не-Я» в диалектике мышления был допущен определённый просчёт, а проблема «Я-концепции *«сквозь призму разрушительных тенденций, заложенных в природе человека имплицитно, и тем более с позиций авторских рефлексий в искусстве над катастрофизмом бытия, специально не изучалась»* (дисс., с. 21).

Ценным в исследовании Г.Р. Консона оказывается рассмотрение мировоззрения художников, исходя из раздвоенного мира, находившегося на рубеже двух веков и совмещавшего признаки двух эпох (средневековой культуры и ренессансной), и соответственно раздвоенного его восприятия. Такой философско-исторический фундамент в осмыслении полотен Босха и Брейгеля позволил исследователю выявить их базовые культурные ценности. Главной здесь явилась, как верно пишет Г. Консон, *«утверждение достоинства личности и, следовательно, её «Я-концепция», а концентром её — «изобличение ущербного коллективного сознания, проявившегося в городском быте, в чём могла быть выражена авторская «Не-Я-концепция»* (дисс., с. 133). Для обнаружения её в живописи обоих нидерландцев исследователь пользуется идеей Ш. де Тольная, который считал, что к разгадке картин Брейгеля нужно подходить с позиций «перевернутого мира», где человечеством, вопреки долженствующей логике, управляют людские пороки. Единственное, что противостоит данной фантазмагии в произведениях Брейгеля, — это разумный мир природы. Исходя из этого, автор диссертации делает вывод, что такая идея наоборотности в отображении городской повседневности Фландрии, в основе чего была оглуплённая стадным сознанием человеческая масса, служила поводом для проявления *абсурдистской «Не-Я-концепции»*, которая явилась следствием отражения катастрофизма в жизни.

Положение о достоинстве личности в нидерландской культуре в тот период стало особо значимым в связи с новой религиозной чувственностью и большей человечностью, что побудило верующих не только к поклонению, но и к соперничеству. Поэтому наиболее распространёнными в искусстве явились сюжеты, связанные с земной жизнью Христа, справедливо трактованной Г.Р. Консоном как главный *«топос скованного трагизма»* (дисс., с. 167). В диссертации этот топос послужил медиатором для органичного объединения в круг воплощения катастрофической проблематики многих западноевропейских скульпторов той же эпохи, что и живопись фламандских мастеров. К таковым исследователь отнёс А. Верроккьо, Донателло, Микеланджело, Ф. Штосса, делла Роббиа, Ж. Гужона, Ж. Пилона, для коих главным объектом творчества «стало не смирение, а *«переживание страдания»* (дисс., с. 173). В отмеченных феноменах исследователь безошибочно нашёл наиболее важные проявления трагического в скульптуре как целостного сакрального искусства, в котором сохранилась непосредственная связь

с народным духом. А за этим всем — глубокое проникновение диссертанта в сущность жизненных явлений и их отражение в авторских «Я-» и «Не-Я-концепциях», с помощью которых исследователь в сакральной пластике соответственно структурировал позитивную тенденцию — образы Бога и живущего в полном духовном единении с ним человека и негативную — распятие Христа в окружении антихристов, претендующих на господство в священной сфере.

Одновременно с этим в диссертации поставлена проблема выяснения сложности избранного периода XV–XVI веков, переплетения феодальных и буржуазных, религиозных и светских тенденций Средневековья и Ренессанса, ветхо- и новозаветной в контексте общебиблейской европейской традиции, а также античной, варварской и христианской традиций, в которых первой среди равных явилась христианская, цементирующая интерес к духовному миру человека и разъяснявшая трагедию Христа как величайшую катастрофу мира.

В непосредственном же изучении явлений культуры и искусства диссертант свободно оперирует целостным анализом, метод которого был исследован им и защищён в его первой докторской диссертации, и объединяет его с аналитическим методом «противочувствия» Л. Выготского, введённого им в психологию искусства в начале прошлого века. Такая обогащённая методология дала возможность исследователю войти в более глубокие слои содержания явлений культуры и искусства и раскрыть многие, до сих пор зашифрованные коды художественных произведений, в особенности наиболее близких автору данного отзыва по профессии (пластических искусств), содержанию, в котором главной оказывается христологическая тематика, и по времени (западноевропейских мастеров XV–XVI веков). Так, уже на подступах к этому времени, в скульптуре Неизвестного мастера *Распятие на Морицкирхе в Наумбурге* Г.Р. Консон с помощью интегрированного им аналитического метода выявляет в образе Христа психологические черты уставшего от страданий человека, показывая, как он и судьба сплавлены в единую пассионно-антихристскую «Не-Я-концепцию», где в свёрнутом виде сосредоточена идея катастрофизма и авторская на неё реакция.

Большое внимание в исследовании Г.Р. Консона уделено образной характеристике окружения Иисуса, которое при скорбной эмоциональной окраске, в сущности, составляет ядро «Я-концепции». Таковы скульптуры «Пьета» Микеланджело, «Снятие с креста» Ж. Гужона или Ж. Пилона. Однако гораздо в большей степени диссертанта занимает гротесковый контекст, доходящий порой до предельной несовместимости конфликтных сторон. Ясно выражен он в скульптурах «Вознесение Христа» Л. делла Роббиа или А. дель Верроккьо. Но необычайно остро он проявлен в ваянии Фейта Штосса «*Взятие Христа под стражу*», где духовное величие Иисуса в момент его распознавания и страх предателя выведены на уровень взаимоисключающих значений. Здесь-то и проступает критиче-

ская «Не-Я-концепция». К таким созданиям на христологическую тему автор исследования подключает и те, которые посвящены трагическому образу Иоанна Предтечи: «Пир Ирода» Донателло, «Усекновение главы Иоанна Крестителя» А. дель Верроккьо, «Саломея и воин» неизвестного немецкого мастера XVI века. Исследователь не обходит вниманием и образ человека, идущего на жертву и тем самым приближающегося к подвигу Христа (Авраам в «Жертвоприношении Исаака» Донателло). Скорбный эмоционально-психологический мир диссертант неожиданно выявляет и у поверженного врага (Голова Голиафа в скульптуре Верроккьо «Давид»). Используя аналитический метод противочувствия, выраженный в замыканиях фабулы и сюжета, Г.Р. Консон в анализе культурных артефактов неоднократно проникает в один и тот же образ, благодаря чему в таких невременных изобразительно-пластических искусствах, как живопись и скульптура, выявляет некое *движение* от первоначального внешнего восприятия к более глубокому. Подобная пластичность избранного анализа возникает в результате того, что линию фабулы Г. Консон в концепционном воплощении картин обоих фламандцев связывает с положительными эстетическими ценностями, к чему преимущественно относится красочно-цветовое решение их живописных полотен. А линию сюжета — с отрицательными этическими, которые находятся в острой оппозиции к образам природы и света. Отсюда — в одной и той же картине совмещение разных жанров: внешне — как будто бы народный праздник, а внутренне — издевательская сатира, как, например, в Страстях о Христе или изображениях Ада. По наблюдению автора диссертации, «расхождение этического и эстетического в “Не-Я-концепциях” Босха и Брейгеля как результата отображения их рефлексии над катастрофическим бытием оказалось одним из ранних образцов проявления этих функций в качестве непримиримых крайностей. Такая двуслойность в воплощении психологии их содержания служила предпосылкой для возникновения движения от одного образно-смыслового аспекта к другому» (дисс., с. 138).

В результате оригинальный анализ Г.Р. Консона, в отличие от традиционно распространённого иконографического, часто применяемого к изобразительно-пластическим искусствам Средневековья, дал возможность автору диссертации органично ввести в широкомасштабную панораму живописи и скульптуры два устойчивых архетипа «Не-Я-концепций»:

Абсурдистская (дьявольская) «Не-Я-концепция», где в гротесковом показе «перевёрнутого мира» Г.Р. Консон в картинах Босха и Брейгеля выявляет большое собрание ликов дьяволов, человеческих мутантов — физических и нравственных уродов как основы абсурдного, ведущего к катастрофе бытия, показывая, что в такой энциклопедии торжествующего зла демоны, по сути, являются продолжением человеческих характеров (см.: дисс., с. 266–267).

Ветхо- и Новозаветная пассионно-антихристская «Не-Я-концепция» (жертвенная), которую Г.Р. Консон обосновывает идеей осуждения гибели положительных героев и трансляцией её через образы Христа, Иоанна Крестителя, а также ветхозаветных героев, жертвующих собой во имя народа и веры (символы «скованного трагизма» в скульптурах Нотке, Микеланджело, Гужона, Пилона, Донателло, Верроккьо, Штосса (см.: с. 265).

Однако в диссертации есть некоторые упущенные детали:

1. В характеристике страданий Христа автор нигде не упоминает специфического предмета *spijkerblok* (пер. с нидерл. *блок с гвоздями*, в данном случае — «пыточные сандалии»), выявленного в произведениях скульптуры и живописи и широко распространённого во фламандском искусстве конца XV – первой четверти XVI веков. В композициях, изображавших сцены «Несение креста» и «Христос на холодном камне», *spijkerblok* — доски, в длину соответствовавшие стопе человека, утыканные шипами или гвоздями, должны были ранить ноги Христа во время ходьбы или падения. Источником этого изображения предположительно является «*Fasciculus mirre*» — трактат о страданиях Христа, который особо был популярен в Нидерландах в первой половине XVI века. *Spijkerblok*, имевшие столь эмоциональную окраску в изображениях страданий Христа, стали на некоторое время необходимым атрибутом иконографического извода, распространённого в Нидерландах. Следовательно, образ «пыточных сандалий» мог дать исследователю определённую дополнительную информацию.

2. Хотя в ходе анализа автор диссертации часто акцентирует намеченные Босхом и Брейгелем прорывы в будущее, всё же перспективы этого будущего исследование не обозначает. Тем не менее хотелось бы увидеть суммативный результат наиболее типовых тенденций в изобразительном искусстве.

3. Цитата «*Homo sum et nihil humanum...*» («Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо», дисс., с. 72) принадлежит не Марксу, а Теренцию.

4. В развитии скульптуры также желательно было бы прояснить, как сочетание трагического и гротескового, заострившее конфликт героя и толпы до предела, явилось основанием для проецирования авторских «Не-Я-концепций» в художественных произведениях XX века?

В целом, научный труд Г.Р. Консона носит законченный и убедительный характер. Он представляет собой оригинальный *культурологический метод исследования*, в котором соискатель изучил не-я-концепционные тенденции на уровне философской рефлексии авторов над ведущими к катастрофе искушениями, необоснованно притязующими на успех личностей. Данное исследование Г.Р. Консона должно будет найти широкий отклик в среде учёных-философов, культурологов, искусствоведов, создателей художественных произведений, а также в системе образования. Поэтому, несмотря на высказанные замечания, дис-

сертация Григория Рафаэлевича Консона «Проявление «Не-Я-концепции» и переживание катастрофы в европейских художественных практиках XV–XX веков» соответствует требованиям, установленным Приказом от 01.09.2016 № 6821/1 «О порядке присуждения учёных степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», а соискатель Григорий Рафаэлевич Консон бесспорно заслуживает присвоения искомой степени доктора культурологии по специальности 24.00.01 – Теория и история культуры. Пункт 11 Приложения 1 к отмеченному Приказу диссертантом нарушен не был.

Член диссертационного совета
М.А. Бурганова,
доктор искусствоведения, профессор,
действительный член Российской академии художеств,
Заслуженный художник Российской Федерации,
заведующая кафедрой монументально-декоративной скульптуры Московской государственной художественно-промышленной академии имени С.Г. Строганова,
заместитель директора по науке Московского государственного музея «Дом Бурганова»,
главный редактор Научно-аналитического журнала «Дом Бурганова. Пространство культуры»,
главный редактор Art and Literature Scientific and Analytical Journal “Texts” (Бельгия),

2 июня 2020 года